

Была у зайца избушка лубяная,
а у лисы — ледяная...

Русская народная сказка

*В этом романе нет ни слова
правды.*

Автор

-...Ты прикинь, Марта Витальевна, что творится-то... Не иначе как мир к катастрофе движется. Мишку нашего уперли! — трагично вздохнул Сан Саныч.

— Кхе-кхе... Какого Мишку? — опешила Марта. — Человека?

На ум ей пришел только Андронов, Михаил Александрович, экономист второй категории, немолодой вялый мужчина, работающий в соседней комнате. Неужели его похитили? Только вот кому мог понадобиться Андронов? У него ведь, кроме хронического гастрита, ничего и не было...

— Типун тебе на язык... — процедил Сан Саныч — он любил, чтобы подчиненные понимали его с полуслова. — Да медведя, медведя из зоны рекреации!

Еще Сан Саныч любил «умные» слова, заковыристые обороты и прочие канцеляризмы. Обычный задний двор — с дорожками, клумбами, лавочками и урнами-пепельницами — он называл «зоной рекреации». В выходные Сан Саныч не отдыхал, а «восстанавливал силы». И не на даче, а на «приусадебном участке». Не обедал, а «принимал пищу». Свою жену Анну Марковну называл за глаза не

иначе, как «законной супругой», а если Анна Марковна накануне чем-то не угодила ему, то Сан Саныч жестко обозначал ее как «Лернейскую гидру» или просто — «гидру». Например: «А моя-то гидра вчера такую конфронтацию устроила...»

— Медведя? А, медведя! — наконец догадалась Марта. Задний дворик украшала скульптура медведя, сделанная из металла. И эту скульптуру украли, оказывается!

— Ну да, ну да, мишку нашего... — В уголках черных глаз Сан Саныча что-то блеснуло, словно он собирался пустить слезу.

— Не может быть, — хриплым басом произнесла Марта. (Когда она переставала следить за своим голосом, то всегда говорила басом.) У нее возникло чувство, что Сан Саныч врет. Вернее, это чувство ее никогда не покидало. Ее начальник, человек осторожный и расчетливый (из бывших военных), не был искренним никогда и ни с кем. Типичный царедворец. Только вот какой смысл разыгрывать спектакль перед Мартой, полностью зависящей от его воли?

— Это еще почему не может? — вскинулся Сан Саныч, сразу передумав пускать слезу.

— Он же полтонны весит, не меньше!

— Здрате!.. Девяносто кило, ровно. Я акт приемки как сейчас помню! Он же полый внутри, мишка наш... был...

Сан Саныч никому не давал повода усомниться в том, что он, как начальник ОХО (отдела хозяйственного обеспечения), а попросту — завхоз, знает все, что ему подотчетно, до грамма и миллиметра.

— Это ерунда... Не могли его украсть!

— Ой, да не ори ты так! Вот голосище-то бог дал... Как у портового грузчика. Его украли. Де-факто.

— Кому он нужен?

— Нужен. Он, между прочим, произведение искусства.

— Что?!

— Что слышала. Труба иерихонская! Бери свою верхнюю одежду, идем место преступления обследовать. Да, и блокнот с ручкой захвати на всякий случай!

Марта выхватила из шкафа куртку и затопала вслед за Сан Санычем. Блокнот с ручкой у нее и так всегда лежал в кармане свитера.

По дороге Сан Саныч жаловался всем сотрудникам, какое горе постигло их учреждение. Через полчаса весь отдел (экономисты, водители, электрики, сантехники, бригада мойщиков-уборщиков) уже был в курсе происшествия.

Марта послушно тащилась за Сан Санычем. Она являлась его секретаршей, или — на казенном языке — «помощницей начальника отдела хозяйственного обеспечения».

Сотрудники ужасались произошедшему. Во-первых, насколько люди совесть потеряли, что воруют прямо в госучреждениях, а во-вторых, железный Потапыч очень оживлял сухую обстановку этого самого госучреждения. Он был почти родным.

Мишку втиснули на задний дворик, между клумб и урн, совсем недавно, этим летом. Много шутили тогда: медведь — это и символ, и намек, и эмблема, и прямая отсылка, и еще много чего... Кроме того, и сама скульптура была сделана не без юмора — косилапый стоял на задних лапах, растопырив передние — словно то ли клянчил чего-то, то ли собирался напасть. Ему постоянно

натягивали на уши кепки, а на лапы вешали то сумки, то пакеты, то шарфы...

Этим же летом приказом Главного (руководителя федеральной службы Лямперта Игоря Петровича) по всему учреждению запретили курить. Низзя, и точка. А кто хочет курить, пусть идет на задний двор и портит себе здоровье на свежем воздухе. Скульптура стала необычайно популярна. Народ к ней потянулся. Так и говорили, когда хотели выйти покурить: «Мишку навестим?»

— Может, его не украли, а убрали? — уныло предположил экономист Андронов, неохотно оторвавшись от бесконечных столбцов цифр на мониторе.

— Как это? — дернулся Сан Саныч.

— Ну-у, типа почистить его надо, отреставрировать... Или передвинуть его в другое место кто решил...

Андронов как будто тоже хитрил. Изображал заинтересованность. А на самом деле ему было глубоко на все наплевать. Да пусть хоть мир провалится в тартарары, лишь бы его, экономиста второй категории, не трогали!

— Кто? Не поставив меня в известность?! И куда?

— Ну-у, мало ли... — уныло протянул Андронов.

— Ты скажешь, Михал Александрыч! Без моего прямого распоряжения вещи двигать нельзя! — жестко напомнил завхоз.

Марта откровенно томилась. Ей надо было разнести по кабинетам кучу канцелярских принадлежностей, составить несколько заявок на покупку энергосберегающих ламп, позвонить в службу ремонта (кулер на пятом этаже не работал) — и еще много чего. Но вместо этого приходилось таскаться за Сан Санычем. Сан Саныч без свиты не ходил (считал несолидным). Впрочем, были и плюсы в ее работе — после шести вечера Марту никто не стал бы задерживать. Все сотрудники дружно разбега-

лись ровно в шесть, за исключением очень, очень редких случаев. Форс-мажора, так сказать...

Это ведь не какая-нибудь буржуинская частная лавочка, в которой если не сделаешь дело к сроку — выгонят. Это государственное учреждение, строго соблюдающее законы об охране труда!

И внешний вид секретарей здесь тоже не имел особого значения. Фотомodelью быть не обязательно. А вот Сан Саныч любил женский пол, несмотря на свои пятьдесят восемь лет и наличие законной супруги. Поэтому кадровик, когда в декрет уволилась предыдущая секретарша завхоза, мудро нанял на ее место Марту. По принципу — чем хуже, тем лучше.

Вот уж Мартина внешность никак не могла помешать рабочему процессу! Марта ничем не напоминала фотомodelь. Кроме разве что роста. Рост у Марты был высокий — метр восемьдесят. Фигура?.. (Гм, «фигура» — это сильно сказано!) Конечно, до ожирения Марте было далеко, но стройной ее тоже никто не мог назвать. Опять же, сорок первый размер ноги (!!!). Невозможность носить каблуки (и так выше всех!). Невозможность купить нормальную одежду — брюки всегда коротки, рукава вечно заканчиваются на локте. Талия — железно не на месте. Приходилось покупать мужские брюки (рост подходил) и мужскую обувь. Безразмерные балахоны-свитера. Конечно, можно было найти и более красивую одежду, но для того требовалось свободное время и деньги. Ни того, ни другого у Марты не было. А главное — не было желаний.

Какой смысл наряжаться? Все равно рост и размер ноги не скрешь...

Единственное, чем могла Марта похвастаться, — это волосы. Темно-каштановые, густые, чуть вьющиеся. Длинные (экономно и практично, не надо тратить деньги

на парикмахерскую). Перетянула сзади резинкой (ни одна заколка не подходила, все ломались) — и вперед. Когда-то давно Марта пыталась стричься. Но все ее попытки сделать хорошую, красивую стрижку заканчивались неудачей — она становилась похожей на негритянку... пардон, на афроамериканку. Волосы не слушались выпрямляющих утюжков и торчали нимбом — во все стороны. Хоть флакон разглаживающего геля изведи — все равно не поможет.

Время от времени кто-то из коллег-женщин, начитавшись модных журналов и наслушавшись популярных дамских ток-шоу, нападал на Марту: «Чего ты в этих балахонах все время ходишь? А давай-ка я тебя преобразую! Уж я-то знаю, как это сделать!»

«Хорошо, — кротко отвечала Марта. — Давай. В обеденный перерыв — устроит?»

Совместный экспресс-пробег по ближайшему торговому центру заканчивался полным провалом. Сначала, конечно, приятельница с энтузиазмом срывала с вешалок наряды и гнала Марту в примерочную, предварительно заручившись помощью продавщицы: «Марта, надень вот это и это... Девушка! А принесите нам еще тот костюмчик, в горошек... Как это — «не подойдет вашей подруге»? Несите, я сказала! А кому подойдет? Мне? О да, я бы от такого костюмчика не отказалась... Марта, чего ты стоишь? На обед времени не останется... Меряй!»

«Нина (Оля, Катя, Раиса Петровна)... Чего-то не лезет», — сирым басом жаловалась Марта.

«Как это — «не лезет»? Ой, и правда. Девушка! Принесите моей подруге вон то платье! А этот костюм, пожалуйста, теперь я померю... Интере-есно, а на мне почему-то застегнулось. И рукава нормальные! Как влитое... Марта, мне идет? Ну вот, теперь придется купить... А как тебе

платье? Обдерни... Все равно коротко? И талия сразу под грудь? Ну-ка, дай мне... Дивное же платьишко, как оно могло тебе не подойти?!»

В результате они выходили из торгового центра: Марта — с пустыми руками, а Нина (Оля, Катя, Раиса Петровна) — вся обвешанная пакетами и свертками. «Нет, Марта, я с тобой больше по магазинам не пойду. Одно разоренье!»

— Саныч! — по коридору семенил кадровик. Марта вздрогнула и очнулась. — Я уже слышал про медведя... Идем на пункт охраны, там записи с видеокамер. Лямперт рвет и мечет, говорит, это не просто кража, это далеко идущая акция... даже не акция, а самая настоящая провокация!

— Да ну? — побледнел завхоз. В первый раз за день он выразил свои истинные чувства. — Лямперт уже знает? Ой, беда... Волкова, стой здесь, я на пункт охраны... Блин, завтра же праздники, я на приусадебный участок хотел ехать...

— Обломись! Анна Марковна без тебя уедет, а ты будешь тут носом рыть, пока пропажу не найдешь.

Они убежали по коридору — полный низенький кадровик и жилистый, тоже невысокий Сан Саныч, который издаലെка напоминал цыганенка благодаря своим курчавым, черным, без единой сединки, волосам.

Марта посмотрела им вслед. И осталась стоять на месте. Она привыкла, что завхоза надо слушаться беспрекословно и буквально. Так проще.

В нескольких шагах от ее поста располагалась стремянка. И на ступеньке, на уровне Мартиных глаз, — чьи-то ноги в рабочих ботинках, зеленые штаны... Марта подняла голову (надо же, иногда все-таки приходится задни-

рать голову!) и увидела электрика. Новенького — как раз недавно наняли в их отдел, за неделю до ноябрьских.

Электрик вешал под потолком светодиодную гирлянду (ноябрьские же!). «Неправильно вешает, — машинально подумала Марта. — И не здесь бы эту гирлянду, а чуть дальше и ниже... Впрочем, плевать».

Вероятно, почувствовав ее взгляд, мужчина повернулся.

Довольно молодой, с хвостиком из светлых волос, стянутых сзади резинкой. Губошлепистый. С безмятежным, глуповатым лицом. Взгляд светлых глаз — нахальный и ласковый. Типичный работяга. Из тех, у которых вечные перекуры и которые ни одну юбку мимо не пропустят...

— Красавица! — сказал электрик и дружелюбно подмигнул Марте.

Марта опешила. Нет, ее смутило вовсе не нахальство работяги. А то, что он к ней... как это? Кадрился?

Марта не привыкла, чтобы к ней кадрились. Сколько она себя помнила, к ней никто и никогда не кадрился, даже в ее лучшие годы. Кроме, разумеется, пьяных и каких-то неадекватных личностей — вроде Стаси, вернее, мужского варианта Стаси...

— Мужчина, вы чего? — хриплым басом мрачно прогудела Марта.

— О-о-о, какой голос! Вы не поете случайно? — все с тем же вежливым, дружелюбным нахальством спросил электрик.

Марта знала свои недостатки. Она с детства привыкла молчать. Дразнили! А когда все-таки приходилось открывать рот, старалась изменить тембр голоса. Иначе все головы дружно поворачивались в ее сторону, глаза ши-

роко открывались. В двенадцать лет Марта жестоко простудилась, и со связками произошла вот такая беда.

— Нет... — буркнула Марта. Электрик — прохвост. Думал, напал на легкую добычу. Думал — вот сейчас он сделает пару комплиментов, а эта дылда с перевязанным снопом волос на спине и голосом Луи Армстронга растает... Как бы не так. У Марты никаких иллюзий на свой счет не было.

В отвисшем кармане свитера задержался телефон.

— Волкова! Марта Витальевна!

— Да, Сан Саныч?

— Чего делаешь? — нервно спросил завхоз.

— Вас жду.

— А чего меня ждать? Ох, ты прям это... человек с альтернативным складом ума! Я для чего тебя просил куртку-то взять?.. Обойди все вокруг. Исследуй периметр! Может, и правда какой дурак мишку передвинул... Потом доложишь. Поняла?

— Да, Сан Саныч. А заявку на лампочки после ноябрьских составить?

Завхоз произнес в ответ нечто неразборчивое и нажал на кнопку «отбой».

Марта развернулась и затопала к выходу. Несколько секунд после того она еще хранила в памяти лицо электрика. Он был довольно симпатичный. Что-то такое, мужское... Ясное дело, обманет, но зато какие ласковые глаза! Как у теленка. До идиотизма ласковые...

Марта вышла в просторный, блистающий мрамором парадный холл. Запахнула себя в вертящиеся тяжелые двери. Охранник в стеклянной будке проводил ее неприязненным взглядом. Рядовым сотрудникам полагалось ходить через служебный вход...

Марта спустилась по ступеням, дотопала до ворот.

Оглянулась назад, на родную контору — это было огромное современное здание с выложенной золотыми буквами надписью «Росагронадзор» на полукруглом фасаде.

Перед зданием — идеально выстриженный газон с фонарями. Никакого намека на пропавшую скульптуру.

Марта методично затопала вдоль железного забора. Стоянка для посетителей. Все чисто и аккуратно. Служебный вход. Ни намека. Марта обогнула здание. Вот и он, задний двор. И правда, медведя нет.

Марта подошла ближе, исследовала место преступления. Примятая земля, никаких следов... Рядом курят три сотрудника в офисных пиджаках — чины среднего класса. Презрительно покосились на Марту, ничего не сказали.

Марта затопала дальше.

— Нет, ты это чучело видел? — услышала она приглушенный смех за спиной. — Вот корова. Из баскетболисткой наверняка!

— Тихий ужас. Танк в юбке...

— Какой тихий! Вы бы ее голос слышали, ребята...

Лошадь кавалерийская!

«И чего шептаться? — подумала Марта. — Лицемеры. Могли бы мне это в лицо сказать... И отчего все люди такие лицемеры? Говорят одно, а думают другое. Противно же...»

Марта сделала пару кругов вокруг учреждения. Затем вышла наружу и сделала еще круг по улице. Под конец даже замерзла, хотя стояла безветренная, сухая погода. Как-никак уже начало ноября!

Медленно темнело. Марта вспомнила, что так и не обедала сегодня.

Задергался телефон.

— Алло.

- Что? — взвинченный голос завхоза.
- Ничего.
- Везде была?
- Да.
- А на стоянке смотрела?
- Смотрела.
- Хорошо смотрела?
- Хорошо.
- На пленках — тоже ничего. Ох, вот беда... — за-
нял Сан Саныч. — Что же делать?
- Акт надо составить.
- Без тебя знаю! — огрызнулся Сан Саныч. —
И ведь кто-то перед праздниками эту пакость устроил...
- И вы правда на дачу не поедете?
- Прямо! На-кося выкуси! Чтобы я, значит, собствен-
ными календарными выходными жертвовал... — Далее
неразборчиво. — ...В общем, так, Марта Витальевна. Сей-
час спускаешься вниз, осматриваешь гараж и прочие
служебные помещения. На том твоя миссия заканчивает-
ся, можешь идти домой. Что еще? А, да — с праздником
тебя...
- Вы думаете, скульптура может быть в гараже?
- Если похитители не успели ее вынести, то точно
там.
- Сан Саныч... А почему милицию не вызвать? Если,
например, служебную собаку пустить по следу...
- Чего?! — Неразборчивое. — Милицию? — Не-
разборчивое. — И служебную собаку тоже... — Нераз-
борчивое. — ...Этого нам только не хватало! Сами разбе-
ремся... — Снова неразборчивое. Затем короткие гудки.
- И вас с наступающими, — машинально произнес-
ла Марта и сунула телефон в карман.
- Она честно спустилась в подземный гараж. Осмотре-